

ВИКТОР ЯРОШ

ОДИН КРАСИ ВЫЙ СЛУЧА

РАССКАЗ

В дежурном зале газоспасательной станции было тихо.

Стояла та предутренняя дремотная пора, когда даже у самых устойчивых ко сну людей неумолимо и тяжело закрываются веки и клонится голова. Ну, просто черт его знает откуда это приходит! Дыхание становится глубоким и ровным, весь наливаешься тяжестью, и вот уже сам чувствуешь — засопел! И что-то даже снится начинает... Хотя отчетливо понимаешь, что сидишь в дежурке. Дежуришь. Вздрогнешь, пошевелишься, а через минуту опять чувствуешь: потянуло, поволокло в омут.

— Тьфу, зараза! — в сердцах сплюнул Иван Иванович.— Вот это время — с трех до пяти — ну самая собака! Гнет тебя сон, вяжет плетями по рукам и ногам. — Он встал.— Пойду шланги мыть. С вечера киснут в ванне. Все равно мыть. Куды денешься... Хоть сон разгоню,— он потянулся и нехотя затопал в мойку.

Старшой ничего не сказал. Он читал учебник физики, нависая над ним своей лохматой головой и массивными, широкими плечами. Стол был явно мал ему и поэтому при чтении приходилось сгибаться почти пополам.

Дежурный у телефона — шофер аварийки щуплый Витька Живиков ковырялся отверткой в каком-то хитром замке, который сам изобрел и сделал для своего мотоцикла. Это был такой

заковыристый замок, что отомкнуть его часто не мог даже сам изобретатель.

Дмитрий — рыжий и мордастый парень, дремавший, запрокинув голову, на стуле у стены, совсем не шевелился. Наверное, крепко спал, хотя не издавал ни звука, даже не сопел.

Шаги Ивана Иваныча затихли в глубине коридора. Опять стало тихо. Только сквозь стены, окна и закрытые двери постоянно доносился мощный гул химического комбината. Этот гул проникал повсюду. Даже в глубокие подвалы под газоспасательную станцию, где хранились длинные ящики с противогазами. Наверное, он передавался туда прямо по земле.

Этот глухой гул был слышен в тихую погоду даже в городе, за несколько километров отсюда. Десятки махинок-компрессоров, похожих на буксующие колеса паровозов, сотни моторов, различных реакторов, конверторов, тысячи метров труб — все это крутилось, гудело, вибрировало под напряжением. Только изредка, перекрывая всю невообразимую смесь шумов, подавляя своим объемом и глубиной, раздавался колоссальный выдох блока разделения воздуха: «У-а-х-ш-ш-а-х!» — словно проткнули дирижабль, и из него с ревом и шипением за десять секунд вырвался воздух.

Хлопнула входная дверь, послышались шаги, и в зал вошел Жан Цветайников — высокий, поджарый, с узким лицом парень. Самым примечательным на его лице был крупный, с горбинкой нос. Войдя в зал, Жан криво улыбнулся, и нос тоже свернул свой кончик на сторону.

— Варвары! — сказал Жан. — Дубы! Я ему говорю: газит кабина отмывки, а он мне — не чувствуется. Я ему анализатор в нос тычу, а он смеется.

— Нашел утечку? — спросил старшой.

— Нашел... Под прокладку в одном вентиле дуло. Десять анализаторных патронов загубил. Темнеют и темнеют все потихоньку. А когда у этого вентиля соснул — он сразу почернел аж! Тут, думаю...

— Устранили?

— А как же! — Жан расстегнул ремни и снял со спины особого устройства

противогаз.

— Включался? — спросил старшой.

— А как же! Там бы я один раздохнул — и куки-нуки, Ваня! Оставил бы вам одни воспоминания.

— Долго работал?

— Минут десять. Во, смотри по манометру: сколько атмосфер выжрал.

— Перезаряжай. И химвсаситель тоже.

— Сейчас... Дай отдышаться. Покурю... Эй, рыжий! Кончай в небо дуть, поставь вывеску вертикально,— Жан толкнул ногой стул, на котором дремал Дмитрий.

Тот поднял запрокинутую голову и повертел затекшей шеей:

— Че-ерт! Не дал досмотреть,— сказал сипло.

— Ишь ты! Клуб кинолюбителей. Нечего в рабочее время Соней любоваться.

— Какой Соней?

— Лорен. Софьей.

— Это кто?

— Темнота... Та, что часто снится. Работать надо.

— Я свое сделал. В двух цехах противогазы проверил. Даже ноги болят, находился.

— Дай закурить.

Они закурили. Закурил и Витька Живиков. Дым заполнил небольшой зал. Все курили, словно соревнуясь, кто больше выпустит дыма.

— Тю!— воскликнул вошедший Иван Иванович.— Бой в Крыму, все в дыму — ничего не видно.

— Открой форточку,— приказал старшой, не отрываясь от учебника.

— А вообще — клевая работа в газоспасалке,— сказал Дмитрий.

— Почему?— Жан сощурил свои жесткие серые глаза и усмехнулся, опять скривив на сторону кончик носа.

— А чего? План не горит, норма над тобой не висит. Противно, правда, по цехам ходить, у каждого противогазы проверять. Ходишь, как будто выпрашиваешь чего... Зато — чисто и без спешки. Я вон у слесарей на амселитре сегодня проверял, так они всю ночь упирались на ремонте с ключами да кувалдами. Грязные как черти! В скруббере теснота — не повернуться.

— Да-а-а... У слесарей техника на грани фантастики,— снова усмехнулся Жан.— Кнопку нажмут — и спина мокрая.

— Во-во! А у меня — ничего. И под мышками сухо! — зычно загоготал Дмитрий, и его сытое, красное лицо еще больше побагровело.

— Ишь ты, петух! Значит, хорошая работка, говоришь?

— А то нет? Плохая? Иногда и подремлешь сидя.

— Н-да-а... Посмотрим на тебя, когда газанет где-нибудь. Что ты тогда запоешь.

— Я уже два месяца в газоспасательной, а ничего не видел.

— Поэтому ты такой довольный.

— А-а... — Дмитрий снисходительно скривился.— Если и произойдет какой-то один случай, то тогда можно и повкалывать. Зато остальное время — житуха!

— Ну-ну,— Жан погасил окурок в пепельнице.— Такой случай может быть очень...— он поискал слово,— очень красивым.

— Если произойдет, то тут уж ты должен весь выложиться, а свое дело сделать,— рассудил старшой. Он, наконец, оторвался от учебника.— Себя не пожалеть, а сделать! Может, из-за одного такого случая тебе пять лет деньги платить будут. Может, и вообще ничего не случится, а государство тебя содержит. Мы для того здесь, чтоб ничего не произошло. Но всего не предусмотреть. Такая махина — комбинат! Оборудование работает на всю катушку. Смотришь, и порвалось где-то! Тогда ты должен... Ты — газоспасатель! Понял ты меня?

— Понял... Чего там,— Дмитрий равнодушно пустил длинную струю дыма, потом встал и выбросил окурок в форточку. Разбито задрезал телефон.

Витька Живиков, держа далеко на отлете окурок сигареты, чтоб дым не лез в глаза, поднял трубку:

— Газоспасательная!.. Где?! Сколько?.. Один?.. А-а ч-черт!— он яростно швырнул на пол окурок и затряс пальцами.— В зону не входите! Будьте в третьем, с наветренной стороны... Понадобится — найдем!— крикнул он и

нажал красную кнопку тревоги.

Пронзительно, до ломоты в ушах, взревела сирена.

Все ринулись в аппаратную, хватая противогазы и бросились к машине. Небольшой крытый УАЗик застонал от ворвавшихся в него парней с громоздкими аппаратами.

Живиков в опустевшей дежурке выключил сирену и крикнул примчавшейся из лаборатории в развевающемся белом халате Лиде:

— Прорыв в аммиачной наполнительной! Звони Луке!— и метнулся к машине.

УАЗик коротко рыкнул и выпрыгнул из гаража, сразу завернув налево. Живиков яростно крутил баранку, а старшой поддавал сирену. Пронзительно завывая, машина неслась по темным и пустынным в эти предутренние часы дорогам комбината.

— В аммиачной! Наполнительной! Прорыв. В какой-то из бытовых комнат остался человек!— выкрикивал Живиков на весь УАЗ.

Машина, клонясь на поворотах, визжа тормозами, ныряя под сплетения труб на эстакадах, влетела вдруг в густой туман.

—Твою... — ругнулся Живиков.— Чертово утро! Туман...

— Стой!— рявкнул старшой. — «Туман...» Аммиак! Надеть аппараты.

А в ноздри уже ударил и перехватил дыхание острый как тысячи мелких игл запах нашатырного спирта. На глаза моментально навернулись слезы.

Завизжали тормоза, машина словно уперлась в резину и чуть отпрыгнула назад. Задержав дыхание, все натянули маски и пустили кислород. Теперь никого нельзя было узнать: серые, вытянутые, с двумя гофрированными хоботами очкастые морды.

— Вперед!— старшой наклонился к шоферу и махнул рукой.

Машина медленно двинулась в ядовитых парах аммиака. Но вскоре остановилась у смутно плывущих огней приземистого корпуса.

Первым выскочил старшой. За ним, прихватив положенные по инструкции носилки, запасной аппарат и веревку,

выбрались остальные.

Старшой двинулся к дверям, из которых валили клубы похожего на пар или белый дым аммиака. За старшим шел высокий и тонкий Жан Цветайников. Дмитрий и Иван Иванович несли носилки. Заключал цепь шофер. По пути все прикрепилась к веревке с интервалом около пяти метров.

Внутри цеха в белом молоке тумана ничего не было видно. Старшой пошел вперед, вытянув руки. Сделал несколько шагов и наткнулся на аммиачные баллоны. Пошел влево, потянув за собой веревку. Почувствовал: Жан идет следом. Слегка зацепился ногой о рельсы и сразу стукнулся коленом о низкую тележку, на которой подвозят баллоны к наполнительному вентилю.

«Надо проверить», — подумал старшой и двинулся по рельсам, ощупывая их ногой. Дошел до стены, нащупал вентиль. Нет, газило не отсюда. Сквозь резину противогаза, плотно обжимающую голову, услышал тихое шипение где-то вверху. Догадался: «Трубопровод! Давление уже маленькое. Но в трубе-то осталось! Будет газить несколько часов».

Стал вспоминать схему трубопроводов. Подергал за веревку. Подошел Жан.

— У них запорный вентиль у двери? — спросил, прижавшись к его уху. Жан кивнул.— Отцепитесь с Иванычем. Закройте!

Жан отцепился, ушел в туман.

«Где ж его искать? Этого человека...» — подумал старшой.

Дмитрий и Живиков подошли и стали рядом.

«Искать человека!» — условным знаком показал старшой, и они двинулись в узкий коридор, заполненный неощутимой ватой аммиачных паров.

По обеим сторонам коридора тянулись двери. Все они были закрыты. Старшой постучал в первую. Никто не отозвался. Он постучал еще раз... Тихо. Попробовал открыть — замкнуто.

Подошел к следующей. Постучал. Когда чуть нажал на дверь, она поддалась... Отцепился от веревки, взял запасной аппарат и, резко распахнув дверь, шмыгнул

внутри, стараясь как можно меньше выпустить аммиака. Включил свой фонарь. Осмотрел слесарную мастерскую. Никого не было. Осмотрел даже шкафы, заглянул под верстаки. Никого.

То же самое повторилось и в комнате приема пищи, и в красном уголке, и в кабинете технорука, и в небольшом зале хранения одежды, сплошь уставленном высокими узкими шкафами. Здесь переодевались перед сменой и уходя домой.

Нигде никто на стук не отзывался, а когда старшой входил внутрь, никого не обнаруживал.

Осмотрели даже туалеты. Человека не было. Вернулись в наполнительный зал. Старшой прислушался. Легкое шипение где-то вверху прекратилось.

Тут внезапно из тумана к нему подошли Цветайников и Иван Иванович.

«Все в порядке, — показал Жан. — Перекрыли».

«Человека не нашли», — ответил знаком старшой.

Растянувшись цепью по веревке, стали обшаривать каждый закоулок наполнительного зала. Ощупали каждый баллон. Потом осмотрели расположенный рядом склад пустых баллонов. Потом — склад, готовой продукции...

Дышать становилось все труднее. Химпоглотитель выдыхаемого углекислого газа разогревался и реагировал все хуже. Воздух в противогазе становился горячим и нечистым.

А человек не находился! Вышли из цеха наружу. Здесь видимость была лучше. Но из дверей, форточек и щелей в окнах нехотя дымила белесая газовая поземка. Обошли цех вокруг.

К старшему подошел Дмитрий, крикнул прямо в его затылок резиной ухом:

— У меня кислород кончается! — и показал манометр.

— Почему так скоро? — удивился старшой.

Дмитрий пожал плечами. Старшой наклонился к его уху:

— Пойдешь в третий! Туда убежали наполнители. Спроси, где может быть их человек. Позвонишь в газоспасательную: должен прибыть резерв. Пусть едут сюда.

Возьмешь в цеху из шкафа аварийный аппарат — и сюда. Семь минут.

Дмитрий пошел прочь.

«Искать человека!» — показал старшой, и все снова вошли в наполнительный зал. Аммиачный туман постепенно рассеивался. Свет плафонов стал немного проникать сквозь него странными желтыми потоками. Старшой посмотрел на манометр: кислорода оставалось самое большее минут на двадцать.

Снова, спеша, осмотрели все закоулки, все комнаты. Никого. Пот заливал глаза. Мокрая резина маски стягивала голову до боли. Сердце билось тяжелыми толчками и противно отдавалось в руках, ногах, голове. Горячий едкий воздух резал глотку. Аппараты отдавали последние атмосферы.

К старшему подошел Жан, выразительно постучал по манометру своего противогаза и провел ладонью по горлу.

— Где этот чертов Дмитрий? — тяжело переводя дыхание, крикнул старшой. — Двадцать минут прошло. Ни его, ни резерва!

И тут он вспомнил про душевую. Малюсенькую закуточку, в которую вела загороженная шкафами дверь из зала хранения одежды.

«Неужели там?» — пронзила мысль, и старшой ринулся за шкафы, потянув за собой остальных. Дверь была так скрыта шкафами, что ее нельзя было заметить, не зная о ее существовании. В торопливости поисков старшой забыл о ней. Старшой постучал в дверь. Где-то в глубине раздался ответный стук. Старшой схватил запасной аппарат и юркнул за дверь. Что-то легкое, похожее на ткань, свалилось с двери и, скользя по его рукам, упало на пол. Здесь была полная темнота, хоть глаза выколи. Старшой включил фонарь. На кафельном полу у его ног валялись чьи-то штаны и рубаха.

Из крохотной, глухой раздевалки вела еще одна дверь в душевую. Старшой открыл ее, шагнул внутрь и захлопнул с треском.

В узкой, такой, что руками можно было касаться противоположных стен, высокой, как колодец, душевой с горевшей

в вышине мутной лампочкой, прямо перед ним стоял худенький парень в трусах и майке и испуганно таращил глаза на громадное, очкастое чудище с двумя хоботами.

Не говоря ни слова, старшой надел на него аппарат, натянул маску, включил кислород и потащил парня за руку прочь из душевой.

В узком коридоре еще густо клубился аммиачный дым. В наполнительном зале он был пореже. На улице его уже совсем не было видно. Чуть брезжил рассвет. И со всех сторон явственно проступали громады цехов, этажерок, башен, емкостей. Все их связывали десятки разнокалиберных труб.

Потные руки чуть холодил оживший утренний ветерок.

Когда отошли от цеха в наветренную сторону, старшой сорвал мокрую, липкую, вонючую резиновую маску и со свистом втянул в себя воздух. Задышал, вздымая широченную грудь. Задышал природным воздухом! Родным воздухом! Живым воздухом.

Все тоже сняли маски. Мокрые лица блестели...

Подлетела машина с резервом. Первым выскочил малорослый, плотный начальник станции — Лука Захарович. Он подбежал к старшому, задрал к нему одутловатое, невыспавшееся лицо:

— Ну что? Как?!

— Порядок! Вот он,— старшой усмехнулся и снял маску с парня, который до сих пор не решался стащить ее, а так и стоял, опустив руки, поглаживая пальцами свои трусы.

— А прорыв? — спросил начальник.

— Закрыли... Проветрится — слесаря исправят.

— Как же это ты, а? — обратился Лука Захарыч к пареньку.

— Я пошел обмыться... А потом оделся, в коридор сунулся, а там... глухо! Аммиак... Я дверь закрыл: думал, пережду... А он прошел постепенно в одежную. Даже в шкафы с одеждой натек...

— Ты что, в шкаф прятался?

— Ага...

Грохнул хохот. Один паренек не смеялся. Только легкое подобие улыбки

появилось на его лице.

— А потом?

— Потом я из одежного зала ушел за дверь в раздевалку душевой... Разделся, щели рубахой и брюками позатыкал. Думал, не просочится...

— А потом?

— А потом пришлось в душевой закрыться... А он все больше и больше воняет... Слезы потекли — режет в носу... Думал, концы мне,— парень наконец улыбнулся.

— Личный противогаз где?

— В наполнительном зале оставил. Я же на минутку уходил...

— Учим, учим вас, дураков,— обозлился начальник станции.— На минутку! Выговор получишь!

— Ага...— парень улыбнулся шире.

— Депремируем на месяц!

— Ага,— парень улыбнулся во всю. У него была хорошая, открытая улыбка.

— На три месяца!— гаркнул Лука Захарович.

— Ага,— улыбка парня стала совсем счастливой.

...В девять часов, когда новая смена уже несла дежурство, авария была разобрана по косточкам. Усталый Лука Захарович в конце, как бы между прочим, сказал:

— А почему Дмитрий Биндюк оказался в газоспасательной?

— У меня кислород кончился.

— Раньше всех?

— Да.

— Почти на сорок минут?

— Да.

— Он его через избыточный клапан стравил,— тихо сказал Жан Цветайников.

— А ты видел? — задыхаясь выкрикнул Дмитрий.

— Видел,— Жан уперся жестким взглядом своих серых глаз в лоб Дмитрия.

— Ладно,— произнес Лука Захарович.— А почему ты не вернулся на место, когда взял аппарат в третьем? Почему ты пришел в газоспасательную?

— А в этом аппарате тоже кислорода не было.

— Врет,— так же тихо сказал Жан.

— Чего врет?! Не было! Утечка где-

то! Манометр на нуле стоял...

— Врешь! — сорвалось у Ивана Ивановича.— Такого еще не бывало. Я позавчера на профобходе через стекло в шкаф смотрел: манометр показывал сто восемьдесят атмосфер. Точно.

— Стравил по пути сюда,— сказал Жан.

— Докажи! Докажи, ну! Не было там давления — и все! Чего ты языком ляскаешь, как баба базарная...

— Я тебя еще где-нибудь встречу и морду набью... Помимо общественного порицания,— тем жетоном, словно поясняя, сказал Жан.— Шкура! Трудно в аппарате работать? Газа испугался? Отравы?

Дмитрий молча отвернулся.

— В общем, так,— сказал Лука Захарович,— ищи себе, Биндюк, другую работу. Через две недели чтоб и духу твоего не было.

— Не имеете права! Ничего не доказано! — взвизгнул Дмитрий.

— С тобой теперь здесь никто не захочет работать. Уходи...

— И уйду! Подумаешь — работа! Сдохнешь когда-нибудь в этом хомуте резиновом... Кругом отравы!

— А говорил: клева работа, — усмехнулся Жан, и его хищный нос чуть покривился.

